

УДК 347.22

Г.Г. Харченко

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПОНИМАНИЯ ВЕЩИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье исследованы натуралистическая и философская концепции понимания категории «вещь». Проанализированы различные точки зрения и подходы в определении содержания понятия «вещь» в гражданском праве. Автором высказаны суждения о целесообразности использования в гражданском праве широкой (философской) концепции вещи как объекта вещных прав.

Ключевые слова: вещь, вещные права, натуралистическая концепция вещи, философская концепция вещи.

Любое субъективное право предполагает привязку к определенному объекту. Без объекта существование такого права становится невозможным. Для вещных прав таким первоначальным объектом, без сомнения, является сама вещь, что в принципе и логично, если взять во внимание само название этих прав. Однако в науке гражданского права с правовой категорией «вещь» связана и определенная проблематика – в праве до сих пор нет единой точки зрения относительно определения содержательной стороны этого понятия. Каждая страна на каждом историческом этапе по-своему пыталась решать этот вопрос, создав тем самым в юридической науке достаточно широкую палитру различных мнений и концепций относительно содержания вещи в праве.

Упомянутая проблематика освещалась в трудах многих известных ученых-цивилистов – Е. Васьковского, Д. Мейера, К. Скловского, Л. Щенниковой и др. Однако даже наличие такого широкого круга научных исследований все же не снимает всей остроты научной дискуссии и не отражается на актуальности этого вопроса для современной цивилистики. С учетом этих обстоятельств, согласуясь с целью проводимого в статье исследования, представляется целесообразным еще раз критически остановиться на особенностях основных подходов, различно определяющих содержательную сторону категории «вещь», и обосновать необходимость широкого, философского понимания вещи как объекта вещных прав.

Категорию «вещь» можно рассматривать, по крайней мере, в двух аспектах: философском и юридическом. И в первом, и во втором случае универсальной дефиниции нет, а взгляды отдельных ученых порой носят антагонистический характер.

Для философского направления характерна так называемая широкая концепция вещи, согласно которой признается возможность дуализма природы вещи: последняя может существовать не только в материальном мире, но и в метафизическом пространстве. Вещь тут не всегда жестко привязывается к законам физического существования. Полярность мнений философов относительно сферы, в которой вещь может существовать, по сути, является отра-

жением противоборства двух основных философских течений – материализма и идеализма. Причем на начальном этапе древнегреческой античной философии, когда передовые позиции занимал так называемый первоначальный стихийный материализм, преобладала точка зрения, согласно которой все многообразие вещей имело свое происхождение от определенной материальной субстанции. Ею у разных философов могла выступать то вода, то огонь, то воздух и прочее. Позднее, с началом развития идеалистического течения, постепенно начинает развиваться и иной подход. Так, если Платон, скажем, считал, что каждая вещь существует до тех пор, пока она является материальным воплощением идеи [1. С. 757], то Аристотель отмечал, что «никогда не следует понимать под вещью материальное, как оно есть само по себе» [2. Т. 1. С. 205]. Гегель, в свою очередь, под вещью в общем смысле понимал «внешнее по отношению к свободе» [3. С. 100]. Джордж Беркли, со своей стороны, доказывал, что вещи – это идеи, которые существуют в нашем уме. Через них в сознании человека и находит свое отражение материальный мир вещей. Последний, несомненно, существует и вне нашего разума – в умах других людей, но для каждого из нас материальный мир познается именно через наш ум [4. С. 299, 302].

Борьба материалистического и идеалистического мировоззрений постепенно нашла свое проявление и в цивилистике, которая по сравнению с философией хотя и является более консервативной по своей природе, но все равно не застрахована от возможных доктринальных изменений. В юридической науке сегодня также идут довольно оживленные дискуссии о содержании правовой категории «вещь» в контексте общей для вещного права проблематики объекта вещных прав. Одни отстаивают старую, классическую для нашего права концепцию, когда единственным объектом вещного права может быть только вещь как материальное (телесное) благо. Другие, более прогрессивные, по нашему мнению, правоведы обосновывают необходимость расширенного видения сущности вещи как объекта вещных прав, без ее жесткой привязки к физическим законам природы.

Таким образом, проблематика «вещи» в гражданском праве заключается не столько в гносеологическом вопросе, как это имело место, скажем, у Канта, разделявшего вещи на «вещи в себе» и «вещи для нас» [5. С. 22], сколько в необходимости четкого определения содержания этого понятия, возможности дать ясный ответ – что именно может быть вещью в качестве объекта субъективного вещного права?

В римском праве правовая категория «вещь» имела универсальный характер. По своему содержанию она полностью отождествлялась с понятием объекта вещного права и права вообще. Вещь здесь рассматривалась двояко – как *res corporales* (телесная вещь) и как *res incorporales* (бестелесная вещь). Предложенная классификация вещей своими корнями уходит в древнегреческую античную философию. Такое деление, в частности, было упомянуто еще Цицероном, который вслед за своими греческими учителями, различал вещи, которые существуют (*res quae sunt*), и вещи, которые мыслятся (*res quae intelleguntur*), то есть материальные предметы и абстрактные понятия [6. С. 359].

Под бестелесными вещами Гай в своих Институциях понимал вещи, которые не могут быть осязаемы; ими были те вещи, которые заключаются в праве: наследство, узуфрукт, обязательства, заключенные каким-либо образом [7. С. 21]. Разделяя вещи на телесные и бестелесные, Гай, по мнению В. Краснокутского, под последними понимал не вещи в смысле предметов внешнего мира, а именно права [8. С. 148]. Д. Дождев, со своей стороны, указывает на особенности учения о бестелесных вещах в Древнем Риме. Римляне, говорит он, считая, например, узуфрукт вещью (объектом), могли говорить о его принадлежности лицу по парадигме «*meum esse*» (принадлежит мне), считать его вещным правом (подобно тому как собственнику принадлежит сама телесная вещь в ее функциональной целостности) и защищать его виндикационным иском. С другой стороны, о владении узуфруктом, с точки зрения отражения права на посессорные интердикты, римляне говорили только по аналогии с владением (*possessio*) телесными вещами – «*quasi possessio*» (квазивладение) [6. С. 360].

Понимание вещи в ее философском смысле, то есть когда вещь в праве имеет универсальный характер, сегодня свойственно не только странам континентальной системы права (Нидерландам, Франции, Австрии, Италии и т.д.). Деление вещей на телесные и бестелесные существует и в англосаксонской правовой системе, которая разграничивает понятия *corporeal* и *incorporeal property* (телесная и бестелесная собственность).

Для отечественной правовой традиции, наоборот, довольно длительное время характерным был совсем иной подход. Российское и украинское законодательства, в которых до сих пор чувствуется существенное влияние немецкой доктрины права, рассматривали вещь исключительно как предмет материального мира. Отказ от бестелесных вещей в праве часто объяснялся непрактичностью деления вещей на телесные и бестелесные. Считалось, что последнее могло вести лишь к недоразумениям, побуждая применять нормы, касающиеся вещей, к правам, которые требуют совсем иных норм [9].

В целом, придерживаясь такого же видения, К. Скловский рассматривает попытки причислить к вещам то, что вещью не является, как прием чисто технического характера, который никоим образом не отражает суть самих явлений, отнесенных к вещам. По его мнению, природа этих явлений сопротивляется навязанной им вещественности, что приходится отражать в особых юридических статусах. Однако на примере некорпоративных (бестелесных) вещей правовед все же был вынужден признать, что в основе такого технического решения обычно лежат практические нужды [10. С. 429].

Сопоставляя доводы двух вышеприведенных в пользу натуралистической концепции вещи позиций, можно заметить одно расхождение. В первом случае в дореволюционной России указывалось на непрактичность деления вещей на телесные и бестелесные, а в наше время К. Скловский эту практическую разницу признает, тем самым, возможно невольно, опровергая саму причину, из-за которой многие правоведы XIX в. не видели целесообразности в классификации вещей на телесные и бестелесные. Вполне естественно, что такое несоответствие можно попробовать объяснять объективно существующими различиями XIX и XXI вв., однако тут, пожалуй, будет уместно напомнить, что при аргументации своей позиции по различным дискуссионным

вопросам каждому правоведа никогда не следует забывать, что в идеале именно право должно задавать обществу вектор развития, а не, наоборот, пытаться угнаться за ним. С этой точки зрения понимание вещи только как материального (телесного) блага и единственно возможного объекта вещных прав будет, на наш взгляд, не только ошибочным, но и тем дополнительным фактором, который лишь замедлит динамику развития гражданского оборота.

В наше время, наконец, следует понять, что мир изменился, и то, что, возможно, было не так актуально, прежде всего с прикладной точки зрения, в прошлом, становится все более и более востребованным в наши дни. В гражданском обороте сегодня появилось достаточно много новых объектов – информация, имущественные права, доля (пай) и т.д. Все они не попадают под традиционное понимание категории «вещь», но от этого проблема урегулирования их статуса не исчезает.

Вещное право, которое по своему назначению фиксирует привязку объекта к конкретному лицу, не может быть в стороне от этих процессов. Те правоведа, кто последовательно придерживается определения вещи только в ее узком значении, в своих выводах сами нередко подчеркивают относительность такого определения: кроме телесности вещи они часто добавляют еще ряд критериев, которые, по факту, лишь дополнительно ограничивают перечень вещей, которые, по их мнению, могут быть объектами вещных прав. Л. Щенникова, к примеру, полагает, что вещь как объект вещного права должна существовать не только как физическое тело, но и быть доступной для обладания субъектам гражданского права, ценной для них по причине способности удовлетворять потребности людей благодаря своей материальной (физической) форме. Отсекая этими критериями, как говорит сама Л. Щенникова, все лишнее, она между тем понимает условность указанных ею критериев. По ее мнению, граница между вещами и не вещами по признаку их доступности к господству не является незыблемой. Развитие техники и цивилизации увеличивает их перечень с точки зрения гражданско-правового понимания [11. С. 51, 56].

Условность понимания вещи в качестве объекта вещных прав на самом деле подтверждает одно важное обстоятельство – в гражданском праве содержательная сторона категории «вещь» при определенных условиях все же может пересматриваться и дополняться, к примеру, новыми, ранее недоступными для обладания объектами. Эти изменения, естественно, не обязательно должны ограничиваться лишь предметами материального мира. По мере развития гражданского оборота, его перехода на новую, более качественную ступень вполне уместно допустить, что объектами вещных прав могут быть не только телесные вещи, но и так называемые бестелесные. Заметим, что субъективный момент в этом вопросе, который часто выражается в воспрепятствовании всего нового, стремлении жить по старинке, по нашему мнению, не должен быть определяющим. Гражданское право по своей природе должно исходить из установки на разрешение, а не запрета. Последнее, однако, вовсе не отрицает саму возможность установления в гражданском праве специальных режимов присвоения отдельных объектов вещных прав.

Натуралистической концепцией вещи сегодня уже нельзя объяснить возможность отчуждения согласно законодательству отдельных стран, напри-

мер, имущественных прав путем заключения договоров купли-продажи или дарения. Вся аргументация фактически будет сведена к доводам правоведов XIX в., что в XXI столетии воспринимать как догму, естественно, нельзя. Д. Мейер, к слову, считал, что предметом договора купли-продажи могут быть лишь физические вещи, в отношении которых только и может возникнуть право собственности, а сами отношения купли-продажи не касаются так называемых отвлеченных вещей, прав на чужие действия. Далее, рассматривая правоотношения касательно, в частности, покупки или продажи векселя, заемного письма, Д. Мейер указывал, что в этом случае речь не идет о покупке или продаже, а лишь о передаче, уступке права (цессии) [12. Ч. 2. С. 225]. Однако, по мнению В. Витрянского, последняя, в случае ее возмездности, все равно является продажей прав. Такая позиция цивилиста становится еще более интересной, если вспомнить, что В. Витрянский также считает, что имущественные права не являются вещью (товаром), а их использование в договорных отношениях купли-продажи рассматривается лишь как прием юридической техники [13. Кн. 2. С. 12, 13, 17].

Отсюда, пожалуй, можно сделать следующий вывод – сторонники концепции вещи как телесного объекта на самом деле понимают все недостатки этой концепции, несоответствие ее содержания жизненным реалиям. Попытки приспособить натуралистическую концепцию вещи к современным вызовам гражданского оборота ссылкой то на юридическую технику, то на элементы обязательственных правоотношений и т.п. на самом деле контрпродуктивны. Следуя этим путем, все равно попадаем в доктринальный тупик – теория отрывается от практики и, как следствие, теряет свой прикладной характер.

Заметим, что из этого тупика опыт зарубежных стран сегодня знает, по крайней мере, два выхода. Первый – признать вещь не только как телесное, но и бестелесное явление. Второй – законодательно закрепить в гражданском праве правовую конструкцию «право на право» (Германия, Украина).

Безусловно, в полемике каждая из сторон может на всякий довод привести свой контраргумент. Однако, как отмечал С.А. Муромцев, ошибка в практическом отношении может быть плодотворной [14. С. 486]. Натуралистический подход лишает вещное право практичности, а значит, и ошибочность такого подхода будет большей, чем ошибочность расширенной концепции вещи как объекта вещного права.

Деление вещей, отмечал Д. Гримм, будет понятным, если телесные и бестелесные вещи рассматривать как составные части имущества. При этом к имуществу нужно применить не научный, а обычный, жизненный подход. Именно тогда мы сможем увидеть, что имущество – это совокупность, с одной стороны, принадлежащих нам вещей, а с другой – наши права на чужие вещи и действия третьих лиц [15. С. 102].

Подытоживая, в обоснование необходимости широкого понимания содержания правовой категории «вещь» отметим следующее. Вещь – категория всеобъемлющая, благодаря ей, по большому счету, начались и продолжают возникать гражданские правоотношения. С пониманием этого становится очевидным, что содержание вещи, как показывает история и приведенный нами в статье анализ, расширялось по мере усложнения общественных отно-

шений и ускорения прогресса человеческой цивилизации. На первом, условно говоря, античном этапе вещь как материальный объект вполне удовлетворяла в праве человеческие потребности, а потому как бестелесная субстанция рассматривалась лишь философами. Позднее эта философия все же подтвердила свою полезность в праве Древнего Рима и, что важно, именно через практическое измерение. Бестелесная вещь пригодилась при использовании механизма гражданского оборота имущественных прав, например того же суперфиция. Масштабы такого оборота в Риме в то время, конечно, нельзя сравнивать с тем, с чем имеет дело современный мир, поэтому и потребность признавать субъективное имущественное право в качестве вещи (объекта) была не столь насущной, как сейчас. Сегодня все доводы, высказываемые против такого шага, на самом деле не выдерживают никакой критики перед реалиями обычной жизни, особенно в предпринимательской сфере. А потому всякое сопротивление в этом вопросе объективно обречено. Единственное, что могут сделать сторонники натуралистической концепции вещи, так это оттянуть во времени соответствующие изменения в законодательстве той или иной страны. Но они так или иначе наступят, как наступили в гражданском законодательстве Украины, где нормы Гражданского кодекса уже сейчас рассматривают имущественные права как объекты вещных прав.

Литература

1. *Новейший философский словарь* / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
2. *Аристотель. Метафизика* // Сочинения: в 4 т.: пер. А.В. Кубинского, доп. и испр.; ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
3. *Гегель Г.В.Ф. Философия права*: пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. *Беркли Дж. Сочинения* / сост., общ. ред. и вступ. статья И.С. Нарского. М.: Мысль, 1978. 556 с.
5. *Кант И. Критика чистого разума*: пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
6. *Дождев Д.В. Римское частное право*: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2004. 784 с.
7. *Вещные права на землю в избранных фрагментах из Дигест Юстиниана*: пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2006. 724 с.
8. *Римское частное право*: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. 544 с.
9. *Васьковский Е.В. Учебник гражданского права*. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_12.html#19 (дата обращения: 27.12.2012).
10. *Скловский К.И. Собственность в гражданском праве*: учеб.-практ. пособие. М.: Дело, 2002. 512 с.
11. *Щенникова Л.В. Вещное право*: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 240 с.
12. *Мейер Д.И. Русское гражданское право*: в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд. 1902. М.: Статут, 1997. Ч. 2. 455 с.
13. *Брагинский М.И. Договорное право*. М.: Статут, 2000. Кн. 2. 796 с.
14. *Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима: лекции*. М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1883. 697 с.
15. *Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права* / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 496 с.